

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

„Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...“, или Чехи под Новороссийском

© кандидат филологических наук С.С. Скорвид, И.В. Третьякова 2009

Начиная с 1978 года, во всяком случае на памяти первого из авторов нижеследующих заметок, тогда студента III курса славянского отделения филологического факультета МГУ, проф. Александра Григорьевна Широкова на своих лекциях по истории и диалектологии чешского языка не раз повторяла: «В селах под Новороссийском живут чехи... Надо бы туда поехать, описать их диалект!» Прошло тридцать лет, и теперешний доцент МГУ С.С. Скорвид посетил расположенное близ Новороссийска село Кирилловка – одно из нескольких сел, которые во второй половине XIX века основали на Черноморском побережье Северного Кавказа чешские переселенцы. Памяти А.Г. Широковой хотелось бы посвятить сообщение об итогах этой пока еще не диалектологической экспедиции, но всего лишь разведывательной поездки, первая часть которого написана по материалам председателя действующего в Кирилловке Культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка» И.В. Третьяковой, собранным ею при участии кубанского исследователя, автора ряда публикаций о северокавказских чехах В.С. Пукиша¹, а вторая – на основе опроса информантов, который проводил С.С. Скорвид. Его информантами в Кирилловке были супруги Ружичка (Ружечко) Божена (Евгения) и Леонид (83 и 82 года), Мария Коваль (82 года), Мария Чехова (84 года) и Владислав Кабрда (78 лет); помимо этого, в г. Анапа удалось записать беседу с выходцами из с. Варваровка Анастасией Сланец (96 лет) и ее дочерью Марией Малик (77 лет). Всем им – величайшая благодарность!

1. История села Кирилловка

начинается 140 лет назад. После Кавказской войны 1829–1864 гг. территория Черноморского побережья Северного Кавказа обезлюдела. Для ее заселения, помимо русских, которые неохотно переезжали в этот край с непривычным для них климатом, царским правительством приглашались греки, армяне, эстонцы, немцы и – чехи (тогда австрийские подданные).

¹ См. в особенности: Пукиш В. С. Топонимия и микропонимия чешских сел Кубани // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Майкоп, 2008. С. 113–115.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

В Новороссийск чехи были перевезены в 1869 г. из Одессы пароходами РОПИТа («Русское общество пароходства и торговли»). Некоторые семьи добирались до места сами на подводах, проведя в дороге долгие месяцы. Всего тогда прибыло 360 семей. В окрестностях Новороссийска возникло пять чешских либо смешанных чешско-русских сел: Кирилловка, Мефодиевка, Глебовка, Борисовка, Владимировка. Остальные чехи были направлены в Джубгу под Туапсе. В 1870–1871 гг. переселение чехов продолжалось.

Кирилловка и Мефодиевка под Новороссийском были основаны 3 мая 1869 года в преддверии дня памяти свв. Кирилла и Мефодия (по православному календарю), в честь которых эти села и получили свои названия. Интересно, что некоторыми нынешними старожилами это осмысливается так: *tydlety vesnice hdyž se vobrazovaly, tak tady jako Kirilovka, jako že tady žil Kiril, a tam byl Mefoděj – Mefodějka* ‘эти деревни когда образовались, так вот тут Кирилловка, потому что тут жил Кирилл, а там был Мефодий – так Мефодиевка’ (из рассказа Е. Т. Ружечко).

Как вспоминал покойный Павел Матвеевич Лузум (1911–2005), «первых чехов в Кирилловке было семь семей – семь землянок. Это Лузум, Вондрушка, Вайгант, Ружичка, Коза, Швец и Канька». Поначалу им приходилось очень трудно: селились в необжитых местах, строя землянки посреди дремучего леса с дикими зверями. Зимой в таком жилище было сыро, летом донимали комары, нередко заползали и змеи, в том числе ядовитые. Многие переселенцы заболели малярией. Раскорчевкой леса под поля все занимались сообща. Из срубленных деревьев и пней устраивали ограждения от нашествия на посевы диких кабанов и других животных. По очереди охраняли поля и виноградники, по ночам все время жгли костры.

Чехам, поселившимся на месте нынешней Кирилловки, была отведена широкая полоса земли, тянувшаяся от реки Цемес к вершинам гор, где границу этой земли обозначали две железные треноги – по одной с каждой стороны. Эти треноги стояли там вплоть до недавнего времени, одна со стороны Мефодиевки, другая со стороны поселка Гайдук. Наделы каждой семье нарезались также полосами от реки Цемес до вершины горы. Земли внизу – луга над рекой Цемес – использовались, как правило, под пашню или покос. Скот же пасли обычно в горах, лишь в засушливые годы его выпускали на луга, чтобы коровы очистили их от сухой травы. Между пашнями и лесом выделили полосу для постройки домов (теперешняя улица Красная); при каждом из них было по 50 соток земли для ведения домашнего хозяйства. Остальную землю в направлении леса и гор всякий хозяин использовал по своему усмотрению: под виноградники, небольшие табачные плантации, огороды или пастбища. В конце XIX в. по земельным наделам вдоль усадеб прошла Владикав-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

казская железная дорога, под которую у жителей Кирилловки выкупались участки.

По вероисповеданию чешские переселенцы были католиками, и веры своей они держались. На рубеже XIX–XX вв. (по некоторым сведениям, в 1888 г.) на средства самих чехов – в том числе из соседних сел – посреди Кирилловки, возле большого дуба, был построен католический костел. На дубе в первое время висел колокол (по звону которого, помимо прочего, крестьяне в поле сверяли время), а на площадке перед ним совершались службы и требы. На мессу в костел съезжались чехи со всей округи.

В 1910–1911 гг. рядом с костелом чехи своими силами и за свои деньги построили школу. В здании школы были также комнаты, служившие квартирой учителю. Учителей общеобразовательных предметов и музыки содержала община. Первый учитель приехал из Чехии. В памяти жителей сохранилась только его фамилия: пан Червены. Он вел преподавание на чешском языке вплоть до 1927 г.; что с ним стало потом, неизвестно. С 1927 по 1971 г. это здание занимала начальная школа с преподаванием уже на русском языке. Последним ее директором была чешка из Кирилловки Мария Францевна Письменная из семьи Лузум (сейчас она живет в поселке Гайдук).

После постройки костела и школы часть земли вниз и вверх от обоих зданий оставалась в общем пользовании. Ее раздавали позже уже взрослым детям первых поселенцев наделами примерно по 5 соток каждый. Так появилась нынешняя улица Кооперативная.

О том, как выглядели в конце XIX – начале XX вв. дома и усадьбы чехов в Кирилловке, каким был уклад их жизни, можно судить по воспоминаниям старожилов. Чаще всего на приусадебном участке стоял добротный каменный дом, под которым был подвал для вина. На участке при доме имелись амбары для хранения зерна и сена. Здесь же находилась площадка для обмолота зерна специальными каменными катками, которые вращали лошади, двигаясь по кругу. Такими катками молотили зерно до тех пор, пока в 1930-е годы не появилась механическая молотилка. Хлеб пекли всегда сами. На участке помещались также сараи, в которых держали коров, лошадей, свиней и птицу. Стены коровников были белены, полы деревянные, а желоба из керченского камня, оглаженные цементом. Виноградники или табачные плантации располагались над усадьбой в предгорной части. На них работало обычно все семейство, включая детей. Работа их не оплачивалась: глава семейства кормил всех родных, а со временем давал им крупную сумму на строительство собственного дома либо на приобретение жилья в Кирилловке или Новороссийске; в иных случаях он дарил лошадь, корову и т. п.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Из Европы через чешское торговое общество переселенцы выписывали сельскохозяйственный инвентарь, машины. Товары в чешском магазине мог купить всякий.

Дома, дворы, приусадебные участки и прилегающие к ним территории отличались чистотой. Виноградники и огороды были ухожены. Можно сказать, чешские хозяйства кормили Новороссийск и всю округу. Кирилловцы соревновались с жителями Глебовки и Владимировки: у кого больше урожай, лучше вино, прибыльнее торговля. Например, во всей округе славилось вино семьи Кабрда. Говорят, что когда Франц Кабрда открывал свои бочки, все остальные либо ждали, пока он продаст вино, либо продавали свое дешевле.

Жители села любили праздники, по воскресеньям устраивали танцы, для чего арендовали огромный зал дома Франца Кабрды. Веселились с музыкой, у каждого поколения был свой духовой оркестр, свои музыканты. В праздник никто не пьянствовал, порой за бутылкой вина весь день велась дружеская, обстоятельная и неспешная беседа.

В Кирилловке, как и в других чешских селах, имелся староста, который управлял селом и следил за порядком. В начале XX в. старостой был Василий – так на русский лад переозвучивалось чешское имя Вацлав – Крал, образованный и интеллигентный человек, которого все уважали и любили за справедливость и веселый нрав. Без него не обходилась ни одна свадьба, где он всегда выступал в качестве распорядителя – по-чешски «дружбы». Последующая его судьба не выяснена, хотя родственники шепотом рассказывали о том, что в 1920-е годы его, как зажиточного человека, вместе с женой (детей у них не было), как и еще одного чеха из Павловки по фамилии Когоут, ночью арестовали и позже отправили по этапу в один из лагерей под Архангельском (там им будто бы удалось захватить корабль, на котором они доплыли до Норвегии, а оттуда перебрались в США).

Как и многих других, далеко не только на Северном Кавказе, чехов Кирилловки не обошли стороной раскулачивание и коллективизация 1930-х годов. В августе 1939 г. у многих отобрали виноградники вместе с урожаем, после чего те попросту погибли. За два года до того упразднили костел, а в здании устроили клуб, где для начала провели вечер танцев. Долго никто не решался пуститься в пляс в храме. Рассказывают, что местного каменотеса Йозефа Шимберского, который пригласил на танец Божену Крагулец, вскоре постигла кара небес: в грозу его убило молнией.

Во время Второй мировой войны жители Кирилловки Л. Ружечко, В. Лузум, И. Душанек, В. Шуссер воевали наравне с другими чехами Северного Кавказа в батальоне подполковника Людвика Свободы, кото-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

рый был сформирован в 1942 году в Бузулуке (Оренбургская обл.). Один из них, Л. В. Ружечко, проживает в Кирилловке и сегодня.

Само село Кирилловка с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. было занято немецкими и румынскими войсками. Немцы восстановили для себя костел: украсили стены фресками и ходили туда молиться. На мессы вновь стали собираться и жители села. После войны костел опять закрыли, причем решили сбросить с купола большой крест. Потом его долго прятала на чердаке своего дома семья кузнеца Длоугого, который этот крест некогда изготовил. Рассказывают, что однажды дом загорелся, но огонь дошел только до креста. Так крест остановил огонь и спас хозяев. Уже в наше время крест отнесли на кирилловское кладбище, где он стоял как памятник возле могил, пока не пропал. До сих пор на кладбище хранится малый крест, который был установлен на нижнем куполе костела. Ныне в бывшем здании костела размещается Дом культуры.

В здании же школы в одной из бывших классных комнат находится магазин, а во второй – канцелярия управляющего делами села Кирилловка. В сентябре 2006 г. часть канцелярии была предоставлена на условиях безвозмездной аренды для работы зарегистрированного летом того же года Культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка». Здесь силами жителей Кирилловки при содействии официальных учреждений Чешской Республики было оборудовано помещение для проведения разнообразных акций клуба, в том числе для занятий по чешскому языку в группах детей и взрослых, которые ведет учитель из Чехии.

Кирилловку на сей день можно назвать наиболее чешским из всех давних чешских сел в окрестностях Новороссийска. Красноречивы чешские или имеющие чешское происхождение фамилии бывших и нынешних жителей Кирилловки, говорящие сами за себя. Это Бочек, Брзда, Бром, Вайдл, Вайгант, Вашек, Виктор, Вондрушка, Выстрчил, Грах, Длоугий, Душанек, Зеленка, Кабрда, Канька, Коза, Крагулец, Крал, Крепс, Кубеш, Кубик, Лакомей, Лузум, Мареш, Немец, Пелоух, Пфлеггер (Флеггер), Режабек (из Ержабек), Ружичка (и искаж. Ружечко), Сисель (чешск. Sysel), Соукал, Студиград, Тендера (Тэндер, Тендер), Турек, Тупей, Фримл, Халуца, Хурань, Шмидберский, Шусс, Шуссер, Швец, Ясан.

Интересны поныне сохраняющиеся в Кирилловке микропонимы – как правило, сочетания с препозитивной формой род. п. мн. ч. фамилии семьи, которой принадлежал тот или иной объект (в нижеследующих примерах эти формы даны в литературной записи с конечным -ů). Таковы наименования, обозначающие

луга: Churáňů louka, Luzumů louka, Kabrdů louka (фамилии Churáň, Luzum, Kabrda);

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

холмы: Frimlů kopec, Tenderů kopec (фамилии Friml, Tender), Kabrdů kopec, Bertů kopec (в последнем случае холм назван не по фамилии, а по уменьшительному имени владельца – Берты, т. е. Альберта Вайганта);

горные вершины: Králů špička (фамилия Král), Kabrdů špička;

склон, откос горы: Vondrušků stráň (фамилия Vondruška);

ущелья (балки – в чешском названии усвоенный русизм balka): Luzumů balka, Králů balka, Jeřábků balka, Němců balka, Ševců balka, Viktorů balka, Tupejch balka (в последних пяти случаях фамилии Jeřábek, Němec, Švec, Viktora, Tupej);

лес: Krepšů les (фамилия Krepš).

Две вершины имели однословные названия: Věneček, Kout (т. е. Венчик и Угол).

Лесной родник до сегодняшнего дня называется Bařisko (Ф. Травничек в толковом «Словаре чешского языка» приводит как диал. *bařenisko || bařeniště, stř., obyč. bařina || bařina, ž. || bařisko || bařisko, stř. = vlhké, mokré bahnité místo, т. е. ‘мокрое болото’²). Вытекающая из него вода наполняла вырытые в земле канавы, к которым приводили на водопой пасущихся в лесу коров.

Сейчас уже далеко не все жители Кирилловки, особенно не имеющие чешских корней, знают эти названия, но, как утверждает старожил Владислав Павлович Кабрда, многие их помнят до сих пор и ориентируются по ним на местности.

Своеобразную реликвию представляет собой кладбище села Кирилловка, где сохранилось много старых чешских могил. Среди них – надгробье Анны Вашек, одной из первых поселенок, умершей еще в 1873 г. Можно сказать, что это одно из самых старых захоронений из уцелевших до наших дней в чешских селах Северного Кавказа. Старые чешские надгробья в Кирилловке – это, как правило, каменные памятники, увенчанные четырехконечным крестом (от времени многие кресты разрушились). Памятники на чешских могилах ставили и ставят в головах. На многих надгробьях вытесаны надписи на чешском языке латинскими буквами или кириллицей.

Разумеется, в наши дни в Кирилловке живут не только чехи – их здесь даже не большинство. Во время последней переписи населения, проводившейся в 2002 г., чехами себя заявили 66 жителей села. При этом большая часть людей, говорящих по-чешски, уже достигла почтенных лет, естественная же передача чешского языка и чешской культуры из поколения в поколение при советской власти постепенно свелась к минимуму. Еще в начале 1960-х годов, по словам старожил, дети в селе говорили по-чешски, часто даже не владея в раннем возрасте русским языком; позже, однако, ситуация коренным образом измени-

² Trávníček F. Slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 50.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

лась. Только в самые последние годы дети из семей с чешскими корнями вновь стали приобщаться к чешскому языку и культуре – но уже не дома и не в школе, какая существовала в Кирилловке до 1927 г., а на воскресных занятиях и других мероприятиях «Матержидоушки».

Образовавшуюся в 30-е – 80-е годы XX века культурную пропасть пока еще можно преодолеть. Старшие жители Кирилловки все еще очень хорошо помнят, как здесь отмечали самые разнообразные традиционные чешские праздники, умеют готовить вкусные кнедлики и «коблыги» (чешск. *koblihy*), знают множество чешских народных песен. Благодаря компактному проживанию потомков чешских переселенцев в Кирилловке до сего дня сохраняются очень многие яркие элементы народной культуры и языковые черты.

2. Говор села Кирилловка

с очевидностью возводится к юго-западным чешским диалектам. Разделяя основные особенности группы так наз. собственно чешских диалектов, во всяком случае на уровне фонетики ($e_j < *y$, $i < *e$, протетический *v* перед *o*-, утрата *l* после согласных в конце слова в случаях типа *moh < mohl* ‘мог’ и др.), он обнаруживает также многие специфические признаки юго-западных говоров:

I. На уровне фонетики

1) Наличие долготы гласных или его следы в таких корнях, где долгота отмечается только в юго-западных диалектах, ср. в первую очередь: *f sedumdesát yúsmim / yusmim* ‘в семьдесят восьмом’, *f padesát sidmim roku* ‘в пятьдесят седьмом году’, *f třicet šistim roce* ‘в тридцать шестом году’.

В остальном приходится признать, что распределение долгих и кратких гласных в данном говоре с трудом поддается выяснению из-за крайне расшатанной здесь реализации признака долготы с частым «стаккатовым» сокращением (*krávi* и *kravi* ‘коровы’, *sázet* и *sazet* ‘сажать’ и мн. др.) и, напротив, эмфатическим продлением гласных, ср.: *skopali zém, požili tam...* ‘распахали землю, пожил там’; *von’i žili tajdle po Svobóde nahóru* ‘они жили вот тут, за Свободой наверх’. Такое эмфатическое продление гласного в лексеме *nahóru* распространено и в обычном чешском языке наших дней.

2) Не «стаккатовая» краткость корневых гласных в односложных инфинитивах: *až budete ch’et jet na Ukrajinu...* ‘когда вы захотите поехать на Украину’ (не *ch’it* или *ch’it*); *tadi můžeš i strojit, tadi i se’* ‘тут ты можешь и строить, тут и сеять’ (не *sít* или *sit*, в довершение с мягким *-t’* в суффиксе инфинитива).

3) Отсутствие **ej** в позиции после свистящих, ср. *ja si vipiju, (h)diš ciťim, že nado si vipít* ‘я пью, когда чувствую, что надо выпить’ с сокращенным **i** в *ciťim* (но не *cejťim*).

4) Спорадическое изменение **e > a** после шипящих, напр.: *von'í mn'eli modz hodn'e pčal* ‘у них было очень много пчел’ (ср. юго-зап. диал. *fčala*).

5) Спорадическая редукция **i** перед **l** и изредка в других случаях: *bəl* ‘был’.

6) Спорадическая йотация бывшего мягкого **m** перед **e < *ě** при доминирующем рефлексе **mn'**- в случаях типа *do mjesta* ‘в город’, *v domje* ‘в доме’ и изредка мягкая артикуляция губных в той же позиции: *žili si p'ekn'e*.

7) Спорадическая утрата **v** (или **u**) перед **j** после согласного: *na tom sjeťe* ‘на том свете’.

8) Спирантизация вторичного звонкого **g** из **k** в местоименных наречиях с начальной группой ***kъd-** и по аналогии в местоимении ***kъto**, напр.: *hde* ‘где’, *hda* ‘когда’, *hdo jak moch* ‘кто как мог’. Иного характера замена **g** на **h** в иноязычных лексемах, воспринятых в южнорусской огласовке: *fotohrafiroval, vahoni; koho mohli, uspjeli, vodvezli do Hermanije* ‘кого могли, успели, увезли в Германию’; *taki bil poslanej tam do Kenigzberha d'elat* ‘его тоже угнали на работы в Кёнигсберг’ и т. п.

9) Комбинаторные явления:

лексикализованная диссимилятивная замена **d** на **r** в *svarba < svadba* ‘свадьба’ (и *svarebn'í písn'ička* ‘свадебная песня’), *d'erek vin'ici mn'el* ‘дед виноградник имел’ (< *d'edek*, при обычном *d'edoušek* ‘дедушка’);

спорадически проявляющаяся прејотация стягивающихся геминат, напр.: *von se sám pojtrhnul* ‘он сам себя подорвал’ (**jt < tt**), *hdij se vrátil* ‘когда он вернулся’ (**js < šs**), и регулярная йотовая антиципация мягкости последующего согласного в *nejn'í* ‘нет’;

иные типы диссимиляции, в том числе общечешские или отмечающиеся обычно для других диалектных групп: *pen'ize skovali* ‘деньги спрятали’ (< *schov-*, часто), *dřevjednej* ‘деревянный’ < *dřevjen-* по аналогии с диссимиляцией в группе **-nn-**, наступающей в случаях типа *kamednej* ‘каменный’ в особенности в северо-восточных чешских говорах (в Кирилловке, впрочем, говорят и *kamenej* со стянутой геминатой).

Реализация группы **šč** в *nepoušče(ji)* ‘не пускают’, *ešče* ‘еще’ и других лексемах не находит соответствия в собственно чешских говорах (ср. чешск. лит. *nepouštějí, ještě*; обих. *nepouštěj, ešte*).

Характерна наблюдаемая в Кирилловке утрата протетического **j**, ср. *ináč* ‘иначе’ (чешск. лит. *jinak*) и даже *klobási takoví, žrn'ice* ‘колбасы такие, кровяные’ (чешск. лит. *jitrnice*), и интервокального **j** с последую-

щим стяжением гласных на стыке приставки с корнем в неопределенном местоимении и наречии, причем в говоре Кирилловки это приставка **ne-** с твердым согласным (*nehdi* ‘когда-то’, *nekeri* ‘некоторые’ и т. п.), так что неопределенное местоимение имеет вид *nákej / nakej* ‘какой-то’, а наречие – *nák / nak* ‘как-то’ (в отличие от собств. чешск. диал. и обих. *n’ákej, n’ák*). Фиксируются также лексикализованные общедialeктные случаи утраты иных интервокальных согласных (с эвентуальным дальнейшим стяжением гласных), а именно **v** (или **u**) в формах глагола *povídat* ‘говорить, рассказывать’, ср. 1 л. ед. ч. н. в. *povidám / povidam* с вариантами *poidam / poadam* и далее *poam* → *pám*, и **l** в *d’elat, d’elal* ‘делать, делал’ → *d’al* → *d’ál*.

II. На уровне морфологии

10) В системе *Verbum finitum* необходимо отметить типично юго-западночешские формы императива глаголов типа **prosit** с чередованием свистящих согласных презентной основы с шипящими, в том числе **st/šť**, ср. *vo^tpušte mi to* ‘простите меня за это’ (< *-pušt’te*, чешск. лит. глагол *odpustit*, императив 2 л. мн. ч. *odpust’te*), и распространение показателя императива **-i**, появляющегося в ед. ч., также на мн. ч., напр. *řekn’ite* ‘скажите’, *přes potok nejd’ite* ‘через речку не ходите’, букв. ‘не идите’ (чешск. лит. *řekněte, nejděte*).

11) Еще одна яркая примета юго-западных чешских говоров касается основы одного глагола, в литературном языке на свистящий согласный – *musit* (устар.) / *mušet* ‘быть должным’, в говоре Кирилловки – в типичной юго-западной огласовке на шипящий: *vona muší se koupat* ‘она должна вымыться’, *mušili neco slišet vo nás* ‘они должны были кое-что о нас слышать’.

12) В склонении существительных юго-западночешскую особенность представляет проникновение показателя мест. п. мн. ч. **ch** в форму род. п. мн. ч. у имен разных родов и типов, ср. *mn’el hodn’e kon’ich tat’inek* ‘много коней имел отец’, *kitek i rúžich natrhla* ‘цветов и роз нарвала’, *devjed d’et’ich mn’eli* ‘девять детей у них было’.

13) В склонении адъективалий особенностью юго-западных говоров, отражающейся в Кирилловке, является наличие окончания **-ej** в формах род., дат. и мест. п. ед. ч. жен. рода, например: *do tuhentej d’iri* ‘вот в эту дыру’, *z jednej strani mama sed’ela z bratrem a z druhej strani mi sme sed’eli* ‘с одной стороны сидела мама с братом, а с другой мы’, *jesli chceš bit f prezidenckej tej stráži na pjet let* ‘хочешь ли ты быть (остаться) в президентской этой охране на пять лет’, но также: *hde bili starí Češi, tak na tí zemn’i (!) pochovávají Rusi* ‘где были старые чехи, так в той земле хоронят русских’.

14) Самой же яркой приметой юго-западных чешских говоров, которая проявляется в Кирилловке, являются застывшие неизменяемые формы им.-вин. п. ед. ч. ср. рода притяжательных прилагательных на **-ovo**. Ср. примеры: [Čí to byl bratr?] *D'edovo, d'edovo...* 'Чей это был брат?'] Дёдов, дедов'; *mámje se... d'edouškovo... Kateřina řikalo* 'маме... дедушкиной... Катержина имя было'; *přineste fotky tatínkovo* 'принесите фотокарточки папины'. В рассказе уроженки села Варваровка Марии Малик, живущей в Анапе, встретился даже совершенно исключительный случай употребления застывшей формы на **-ovo** в сочетании с согласуемым определением в род. п. ед. ч.: *moje teta... vona mn'e nerodna, dvojurodna... tátovo mojeho sestra* 'моя тётя... она мне не родная, двоюродная... папы моего (двоюродная) сестра'. Десятью годами ранее автор этих строк при просмотре записей западночешских диалектных текстов обнаружил еще лишь одно сочетание этого типа: *vo tich mejch chlapcech toho sinovo*³, букв. 'о тех моих мальчиках того сына', т. е. 'о мальчиках (этого самого) моего сына' (чешск. лит. *o chlapcích toho mého syna*).

Речь идет о чрезвычайно примечательной конструкции, отражающей возможность зарождения у застывших форм на **-ovo** хотя бы окказиональной синтаксической сочетаемости, свойственной существительному. Конструкция эта, безусловно, стоит в одном ряду с подобными же явлениями в синтаксисе изменяемых притяжательных прилагательных, более или менее регулярно встречающимися на современном этапе в центральных словацких и серболужицких (верхнелужицких) диалектах, а также с определенными ограничениями и в соответствующих литературных языках. Указание на подобные конструкции служило краеугольным камнем аргументации целого ряда ученых в пользу ранее выдвинутого Н. С. Трубецким⁴ предположения о принадлежности славянских притяжательных прилагательных к субстантивному словоизменению – вопреки наличию у них нормальной адъективной парадигмы⁵. Формы же на **-ovo** и аналогичные им на **-ino** в юго-западных собственно

³ České nářeční texty. Praha, 1976. S. 54.

⁴ Трубецкой Н. С. О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковно-славянского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 219–222; *Trubetzkoy N. S. Altkirchenslawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. 2. Auflage. Graz–Wien–Köln, 1968. S. 152, 188.*

⁵ См. особенно: *Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I – Морфология. Братислава, 1965. С. 221–223; Lötzsch R. Das sog. Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen, und seine Stellung im System der Redeteile // Forschungen und Fortschritte. 39. Jhrg., 1965. Heft 12. S. 377–379; Ревзин И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 39–50.*

чешских диалектах, по интерпретации Й. Вахека⁶, лишившись собственного склонения, тем более примкнули к субстантивному словоизменению как вариант род. п. ед. ч., хотя неполноправный в отношении синтагматического поведения (ср. *tatínkovo klobouk* ‘папина шляпа’ – но *klobouk našeho tatínka* ‘шляпа нашего папы’). В конструкциях типа *tátovo mojeho sestra*, добавим, эта неполноправность снимается.

15) К старым «семейно-притяжательным» формам типа *Bartošů vědro* ‘ведро семьи Бартоша’, *Bartošů Marie* ‘Мария из семьи Бартоша’, которые в южночешских диалектах фиксировал еще Я. Гебауэр⁷ (спорадически они встречаются и в позднейших диалектных записях из той же области, напр.: *tam bál nákej Koželuhů Kuba; nevím, kerej to bil, Havlů Hondza nebo Bačků Jouza*⁸), очевидно, восходят также особо характерные для говора Кирилловки формы с конечным **-ů /-u**, теперь скорее кратким, выражающие принадлежность семье – либо к семье – и одновременно выступающие в качестве местных, «своих» названий семьи и ее членов, т. е. фактически фамилий. Ср.: *Růžičků náš taki bil... starej dům* ‘вот и наш, семьи Ружичка, был старый дом’ и *já sem Růžičku* ‘я – Ружичка’, *já vim, že Kabrdu sou takovi* ‘я знаю, что есть такая семья Кабрда’ и *tam je Mařenka Kabrdu* ‘вон Марженка Кабрда’, *vona bila Jeřápku* ‘она была из семьи Ержабеков’. Формы на **-u** фигурируют как фамилии и в русском дискурсе, напр.: *тётя Женя Ружичку*. С реальными «метричными» фамилиями они в восприятии местных чехов либо сосуществуют, либо дифференцируются. Ср. красноречивые примеры: 1. *d'edoušek byl Severa... Severu* ‘дедушка был Севера... Северу’; 2. (Ответ на заданный по-чешски вопрос «Какая была у мужа фамилия? Малик?») – *Malik je po rusky, Malik... a po česky je Maliku, Šusu...* ‘Малик – это по-русски, а по-чешски Малику, Шусу...’

Ян Гебауэр видел в формах типа *Bartošů Marie*, *Bartošů vědro* результат застывания притяжательных прилагательных в им. п. ед. ч. муж. рода на **-ů(v)**. Этой интерпретации противоречит присутствие явных форм род. п. мн. ч. в случаях типа *Plachá... Plachejch mn'eli přimn'en'í...*⁹ (о женщине по фамилии Плаха из семьи Плахих) в юго-западных чешских диалектах или *Tupejch balka* в говоре Кирилловки. Согласно Й. Зубатому¹⁰, для форм на **-ů** источником мог быть род. п. мн. ч. тех же притяжательных прилагательных со старым окончанием ***-ъ**. Принятие этой трактовки позволило бы соотнести характерный для говора Кирил-

⁶ *Vachek J. K problematice českých posesivních adjektiv // Studie a práce linguistické I. Praha, 1954. S. 171–189.*

⁷ *Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. Praha, 1960. S. 268.*

⁸ *České nářeční texty. Praha, 1976. S. 81, 85.*

⁹ *České nářeční texty. Praha, 1976. S. 48.*

¹⁰ *Zubátý J. Novákovice, u Nováků atd. // Naše řeč. 1921, č. 9. S. 263, 266.*

ловки тип *Králu špička* с редкими реликтами таких старых форм, представленными в древнечешских памятниках, как *prsiwuzných kralow* ‘родичей короля’ (букв. ‘королев/ых/’) в апокрифе об Иуде начала XIV в.

В завершение краткого обзора морфологических признаков говора Кирилловки следует остановиться еще на одном из них, не вытекающем из его юго-западнечешской предыстории. В склонении существительных обращает внимание достаточно лабильное выражение одушевленности в им. п. мн. ч. Устойчиво форму на -’i с чередованием конечного согласного основы сохраняют только отдельные лексемы, напр.: *štiri kluci* ‘четверо мальчиков’ (им. п. ед. ч. *kluk*), *starí Češi* ‘старые чехи’ (им. п. ед. ч. *Čech*). От основы с чередованием могут образовываться и другие формы мн. ч., ср. *mezi Češima* ‘среди чехов’ (букв. ‘между чехами’). Большой же частью одушевленность существительных в им. п. мн. ч. морфологически не выражается, напр.: *a teť sem přišli Tataři a Turci* ‘а теперь сюда пришли татары и турки’ (ср. чешск. лит. *Tataři, Turci*), *a už vnuki, tak taki... už máloco rozumí i nemluví, a pravnuki teprva* ‘а уж внуки, те тоже... уже мало что понимают и не говорят, а правнуки тем более’ (чешск. лит. *vnuci // vnukové, pravnuci*). Форма согласуемых слов при этом иногда имеет показатель одушевленности, но он может и отсутствовать, ср. *pak tam už naši soldati přijeli* ‘потом туда уже пришли наши солдаты’ и *naše vojáki tam ochrán’ali* ‘наши солдаты там охраняли’; *jak naše rodiče víprávjeli trošku, něco si pomatujem* ‘из того, что наши родители рассказывали немного, мы кое-что помним’. В этом можно видеть результат влияния русского языка, в отличие от которого, однако, в вин. п. мн. ч. у одушевленных существительных обыкновенно выступают те же формы – даже если это исконные формы им. п., напр.: *jak nalítli naše samoľoti ruskí, načali bombyti N’emci, N’emci utíkali hdo kam* ‘как налетели наши самолеты русские и начали бомбить немцев, немцы разбежались кто куда’.

III. На уровне лексики

в говоре Кирилловки наблюдается переплетение архаики, какая, быть может, не выступает уже как элемент повседневного обихода и в диалектах на территории самой Чехии, ср. *přátele* ‘родные’ (современное значение в чешском – ‘друзья’); *je stonavá* ‘она болеет’; *vy moc čerstvo mluvíte, nado* /русизм/ *valn’e* ‘вы слишком быстро говорите, надо медленно’; *kerak* ‘как’ из *kterak* (в современном чешском почти вышедшее из употребления устаревшее слово), включая старые заимствования из немецкого, например, *krchov* ‘кладбище’ (в «Словаре чешского языка» Ф. Травничека дается с пометой *lid.* – народное, в современном чешском воспринимается как моравизм), *loch* ‘подвал’ (в современном чешском встречается в экспрессивных значениях ‘каталажка’ и ‘задни-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

ца'), *koštujte* 'попробуйте', – и, разумеется, русизмов, неодинаково освоенных.¹¹ Примеры: *von f sedumnáct let popad do armije* 'он в семнадцать лет попал в армию'; *bil tam lager' takovej, d'ela sem v láher'u* 'там был такой лагерь, я работала в лагере'; *hdiš se ten kolchos obrazoval, von tam d'elal f tom pravlén'i* 'когда этот колхоз образовался, он там работал в правлении'; *vono to hořelo bistrě* 'горело оно быстро' и *bystro se s n'ima spravily* 'с ними быстро справились'; *já točn'e an'i nevim* 'точно даже не знаю'; *zítra je vichodnej* 'завтра выходной' и мн. др.

Русскому влиянию в говоре села Кирилловка, однако, подвергся не только и не столько словарный состав, сколько словоупотребление, смысловая структура даже чешских слов и – еще шире – языковой менталитет. Иллюстрацией этого может послужить в заключение один наибольший штрих. В дом в Кирилловке приглашают словами: *Dávejte, zacházejte!* = Давайте, заходите! А прощаются, провожая отъезжающих, так:

Přijíždějte k nám do Novorosiku! = Приезжайте к нам в Новороссийск!

Образец записи диалектного текста

О чехах в Кирилловке в прошлом и в настоящем

Рассказывали Божена (Евгения) и Леонид Ружичка (Ружечко)

(Neměli byste chuť si zavzpomínat, jak se tady dřív žilo? A jak to tady vůbec začalo?)

В: No, mi už takí ... <toho moc> nevíme, a jak naše rodiče viprávjeli trošku, neco si pomatujem... jak von'i sem přijeli a jak se tady rozpoložili, jak tady visekávali les a stavjeli si ti palátki, a pak... A díť von'i sem přijížděli na furách, na kon'ích, s Čech jeli, aha ... no a potom už si sem vzali sví... jak se říká, rodinu po česki, jo... Aha... nu, tady si načali stavjet, tenkrát, jak... co to bilo za vlast, v tem roku...

Von'i nařezávali, kerej tady cht'el se poselit, tak fšem nařezávali takoví kouski zemn'e, vot – i hori, i les... to fšeccko jako to šlo aš semhle n'íš, do Cemdolini, vot. Aha, nařezávali... lid'i mn'eli i les svúj, i mn'eli tady pole, tady seli – tam pšen'ici a fšeccko takovi si seli, mn'eli potom krávi a mn'eli... nu f chazajstvjje takoví fšeccko, aha... Nu, žili si p'ekn'e, protože

¹¹ Многие русизмы усваивались с элементами южнорусской или напрямую украинской фонетики. Последнее касается особенно **h < g** и сочетаний губных согласных и **l** с верхне-средним несмягчающим гласным **i**, который мы здесь транскрибируем как [y]. Эти черты в определенных морфологических позициях и в меньшей степени в корнях распространяются также на исконно чешские слова, ср. в формах мн. ч. причастия прошедшего времени на -l: *diš pobylý už fšechni partizani...* 'когда перебили уже всех партизан', *pochovalý ho i ud'elaly mu křiš'* 'его похоронили и поставили ему крест'.

mn'eli fšecko sví. (V)on'i si to vid'elávali a mn'eli. Stavjeli si domi, no a stavjeli si modz dlouho, a proč – na to nemn'eli pen'íze anebo třebas les nebo neco – nevím.

Nu, tam je hora, hde lámal kamen, a takovej velkej, tvrdej kamen. Von ten kamen ho tam lamali lid'i a vozili si to sem, nu nejspíš to kupovali, to já taki nemůžu říct, aha ... Nu i – stavjeli si tadi staven'i kamenní a pak d'elali takoví vepřáki z hlíni [...] to je z hlíni ud'elaní, ze slámou to míchali, a s ulice je kamen tendle tvrdej... Tak voni už ti domi stojek kolik let... Já nevím, náš tenhle dům – nu tendle ne, mi sme žili tudle, hde je ta střecha veliká ... v dvacet sidmím roku... tadi nařízli zém i (v) dvacet sidmím roku si stavjel... A túle naproti f sedumnáctím – sedumnáctej, jo? – a dál, taki tam Kabrdú, a Chalupú, a Luzumu... nu, hdo jak moch, i vosumnáctím, i sedumnáctím, i dvacátím, v dvacet sídmím ... stavjeli si, ale fšecki bili stejní. [...]

L: Rúžičkú náš taki bil, taki starej dům.

B: Aha, vo-vo-vo! [...]

A dřív žili tak: mn'eli hodn'e d'eťi, po pjet a po šest a ženilo se tam, vdávali se a fšecki žili v jednom staven'i, fšecki v jednom... (V)on'i si to ud'elali tak a žili si tak mezi sebou pjekn'e, to ne(j)n'i jako teť, každej kouká ít zvlášť vod rodičů a – ták to je...

Každej mn'el svůj plán a vin'ice, tadi bilo hodn'e vinohradů... Za čehúnkou bili, tadidle, hde je todle fšecko zastavení, tadi bili vinohradi, můj táta mn'el taki tadi vinohrat, hodn'e mn'eli vinohradu... No můj tata je rozenej v devjetset druhím roku, no a ten jejich dům taki bil starej... tam Janu, hde je ten dup tam... taki já nevím, v jakím roce... a potom jih bilo taki nekolik, tak si tata tadi vikoupil plán taki, ten kouseg zemn'e, jo ... i d'eroušek mu pomoch a postavili si dum...

A vin'ici mn'eli, neš přišli kolchozi... jak přišel kolchos, tak ti vin'ice fšecki vzali a ti lid'i chod'ivali do kolchozu, pracovali na řech vin'icich. I zém fšecku vzali – a mi tam mame známou f Čechách, a vona nám psala, že u vás to ne(j)n'i... u nás prej tadi je f Čechách, hdo míval ... jako rodiče starí, tak teť jim splácejí za tu jejich zem... u vás to néjn'i... A vono to bilo i u nás, ale jag bilo – už hdo pracoval f kolchozu, a za tidle kouski zemn'e an'i nespomínali, co vzal kolchos... aha... a diš už kolchos se rospat, tak potom nařezávali kouski zemn'e tam...

(A kdy tady vznikly kolchozy?)

L: No kolchozi bili f třicátím roku... [...]

B: <Ono tehdy> taki hodn'e lida... Zničehonic přišli a zebrale muskí a vodeslali je na Sibíř – a neví se, za co a pro co! A tak tam i propadli, no... f Sibíři.

L: Mn'eli mn'e rád'i a zavřeli mn'e!

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

B: To říkal strejček náš, on tam d'elal... hdiš se ten kolchos obrazoval, von tam d'elal f tom pravlén'i, aha... a kim tam d'elal, či pisařem bil... kim tam d'elal... [...] Nu i eto, a najednou ho zebrali a pag vislali ho, a žádnéj nevi, proč a kerak. A večír přišli dva a zabili jeho ženu, zastřelili, a sina zastřelili, i jeho zebrali, nu... A proč tu ženckou, já točn'e an'i nevím, kerak to bilo, co – přišli, vona mn'ela vodevřino, dříf se nezavírali, aha... Přišli a zastřelili ji a jeho zebrali, a hdij se vrátil, chudák, povida: Tak mn'e mn'eli rád'i, a potom mn'e zavřeli! [...]

(Jsou ještě jiné české vesnice v okolí?)

B: Tadi tidleti vesn'ice hdiš se vobrazovali, tak tadi jako Kirilofka, jako že tadi žil Kiril, a tam bəl Mefod'ej – Mefod'ejka, a tam bila Borisofka – Boris, aha... a bila Chlebofka tam dále, to bilo fšechni českí vesn'ice... Tet' uš Češi málohde sou... málohde sou Češi... uš povimírali ti [...] starí – a mladí... uš sou ruskí... Mi mame přítelki a – mluvjeji po česki, nu jako mi, ne tak po česki jako vi, ale mi uš to máme fšecko lámaní ... A stejn'e nezapomínáme, mezi sebou mluvíme tak, aha... a d'eťi taki tak.

(Děti taky mluví česky?)

B: Jó, d'eťi taki mluvjeji po česki. Sin žije ve mn'est'e, i cera jedna, a druhá cera tadidle n'iš f Cemdolin'e – fšeckí mluvjeji po česki... Sin se ženil na ruskej, ona taki fšecko rozumí a mluvit nechce... a uš vnuki, tak taki... uš máloco rozumí i nemluví – a pravnuki teprva. Či nechťejí nebo – já nevím... Sem přidou, d'eda jim spivá po česki a von'i na to vivaleji voči!